

В прошлой жизни я любил рисовать. Скажем так, это было моим хобби, которым я занимался в свободное время. Денег это не приносило: не было ни уверенности в собственных силах, ни желания, ни времени развиваться в этом направлении, но для себя я, даже если времени не было, всегда его находил. Перед сном, рано утром, прямо на работе — всегда. Мне не нравились пейзажи, но нравилось рисовать людей в разных позах, нравилось перерисовывать и придумывать различные образы каких-то мифических созданий.

Смерть на это увлечение...

Кажется, я повторяюсь.

Голоса детей сводили меня с ума. Отправившись спасать задницу нуарного стилиста, я как-то успел забыть, что находиться в такой близости среди толпы людей (детей) мне было как минимум некомфортно. Не прислушиваться ко всему этому у меня не получалось чисто физически. Ещё и этот взгляд.

Где? Кто? Что на меня смотрит? Как бы я не старался, где бы не искал — понять источник взгляда не удавалось. Столь пристальный, я чувствовал себя перед ним так, словно случайному прохожему на улице решил показать, о чём подумал, когда увидел нуарную красотку в купальнике. Самое паскудное, что только я затылком ощущал это...

Присутствие.

Истерично хихикнул.

Единственной, что меня мирила с происходящим, была, конечно же, Мэри!

Взгляд сам собой, как и буквально у всех детей в классе, сместился на девочку. Сидя в самом центре класса, она сияла. Буквально сияла! Её волосы, словно здесь был ветер, развевались, странно переливаясь. Цвет глаз беспорядочно менялся, белоснежная кожа обладала каким-то странным, пугающим, волшебным свечением. Вокруг гордо сидевшей за партой Мэри в буквальном смысле был золотистый ореол, защищающий её от всего на свете.

Умом я понимал, что передо мной сидит уже не человек. Но я не мог избавиться от мысли, насколько малышка Мэри была совершенна и прекрасна! Конечно же, у меня чисто физически не могло быть влечения к малолетней неудачнице, но восхищение, обожание, поклонение!.. Святая Мария, как я мог назвать её малолетней неудачницей?

А ведь мне даже, в какой-то момент, почему-то захотелось прострелить ей голову! Всего на миг, но...

Схватился за голову.

Отвращение, восхищение, презрение, обожание, ненависть и вдохновение. Всё смешалось внутри, боролось между собой, разрывая меня изнутри. Уверен, если бы те головастики из Атлантиды сейчас вновь принялись изучать мой мозг, то получили много любопытных данных.

Уроков у нас не было. Весь учебный день был похож на какую-то дешёвую пародию на уроки, где большую часть времени приходившие со всей школы учителя хвалили сияющую (во всех смыслах) от радости девочку. Урок только начинался, как сразу шли вопросы, на которые Мэри уже знала ответы, отвечая так, словно у неё в голове была какая-то библиотека. Никто не удивлялся этому, кроме детей, которые до этого смели обижать великолепную Мэри.

Три растерянные малолетки превратились в изгоев. Мальчиков, посчитав отсталыми, просто проигнорировали (но они всё равно стали изгоями, как они смели!). Весь класс удивительно преобразился, все сидели с разноцветными волосами и глазами, стали выглядеть порядком лучше, и лишь те, что пошли против самой Мэри, стали выглядеть хуже. В глазах девочек, у которых за издевательство над совершенной Мэри увеличились лбы и носы, читалась бесконечная вина и стыд, очевидно, что они недавно навзрыд плакали, думая над тем, какие они плохие люди и насколько добра Мэри, раз вообще пощадила их. Семье этих девочек должно быть стыдно! Им явно стыдно!

— Им должно быть стыдно... — пробормотал я, против воли улыбнувшись.

Широко, счастливо. Счастье поглощало меня, но это было и очевидно. В конце концов, передо мной была сама Мэри! Меня всё меньше интересовала моя головная боль, мои личные проблемы, это сводящее с ума присутствие. Что мои страдания на фоне страданий, которые пришлось пережить малышке Мэри?

Трясущейся рукой, улыбаясь, навёл пистолет на голову.

Выстрелил.

Реальность мигнула.

Протяжно вздохнул.

Бедная, бедная Королева!..

Ближе к концу школьного дня восхищения Мэри мне показалось, что она заострила на мне взгляд. У меня и до этого возникали такие мысли, ещё до того, как я вдруг осознал всю её идеальность и совершенство, но потом я понял, насколько наивен и глуп, раз даже подумал о таком!

И всё же, Мистер Стивенсон свидетель моих слов, она смотрела на меня. Пристально, властно, как и подобает совершенному, абсолютно уверенному в себе существу, но при этом будто бы немного робко. Только Королева может быть настолько противоречиво естественной! И как она только видела меня? Что это я! И так очевидно, что мои дешёвые фокусы с психической энергией не подействуют на сияющую Мэри!

— Феликс?

Голос Мэри был нечеловечески идеальным. Столь мелодичным, столь мягким и приятным, что каждый звук, который произносила наша Королева, мы слушали с таким наслаждением и удовольствием, будто рядом с нами была сама Афродита. Не нужно уточнять, как я себя почувствовал, когда услышал от самой Мэри моё имя!

«Вам так повезло, Мистер Фишер! Так повезло!» — воскликнул у меня в голове Пит, захохотав.

Взгляд всех детей тут же устремился на меня, и я мог их понять. Мне стоило огромных усилий сохранить хотя бы какое-то достоинство и счастливо не подскочить перед воплощением совершенства. С показным спокойствием, восприняв вопрос за призыв подойти, встал и подошёл к малышке Мэри.

Дети перешептывались, с трудом меня узнавали. Я чувствовал их зависть. В душе поднялось столь привычное мне злорадство. Гаррик был прав — только я мог направить и помочь

Королеве. Я никогда не был так счастлив.

На какой-то миг моя улыбка дрогнула.

Почему я чувствовал столь сильное отвращение?

Прямо перед удивлённой девочкой навёл пистолет себе на голову и выстрелил.

Реальность мигнула.

— Я могу чем-то помочь вам, моя Королева?

Я уставился прямо в её постоянно меняющиеся глаза, умудряясь улавливать от неё одновременно и уверенность, и рвущуюся неуверенность.

Её сущность рвалась от противоречий, утонувшая в мечтах малолетняя сучка. Прописала себе черты характера, которыми на самом деле не обладает. Она сама хоть в это верит?

Кажется, я истерично засмеялся.

Навёл пистолет на голову. Выстрелил.

Реальность мигнула.

— Да, — уверенно-неуверенно произнесла Мэри. — Я хочу, чтобы ты сегодня со мной погулял.

Все начали охать и вздыхать, поднялся гвалт, класс вспыхнул столь сильными эмоциями, что у меня закружилась голова. Но не только из-за детей: мои собственные эмоции. Я так не нервничал даже тогда, когда начал вновь осознавать себя в океане. Когда, утопая в собственных мечтах, по-настоящему творил.

В прошлой жизни я любил рисовать. Скажем так, это было моим хобби, которым я занимался в свободное время...

Каким-то образом новость о том, что на меня обратила внимание сама Мэри, облетела весь Мэри-Пойнт. Школьный день не успел подойти к концу, а мне уже звонили родители, заявляя, что я их самая большая гордость. Даже поступил звонок от Гаррика, они все были очень довольны. В школе мной все либо восхищались, либо завидовали. Особенно школьники, рассчитывавшие на то, что Мэри обратит на них внимание. Из слепого пятна я превратился в горящую лампочку, на которую начали слетаться мотыльки.

Тяжело передать словами, как я был рад, когда школьный день закончился. Кажется, кто-то из зависти хотел мне навредить (так же всегда происходит, когда кто-то кому-то завидует!), и лишь мысль о том, что это может расстроить Мэри, останавливала всех. По той же причине и я особо не бушевал, боясь слишком шокировать Мэри.

Какой бы сильной она не была, Мэри в том числе хрупкая и ранимая! Нет более многогранной личности, чем она!

Но, как оказалось, это было только началом. После школы мы пошли, как того и желала Мэри, гулять.

— Розовая дорожка... — пробормотал растеряно я.

Стоило нам выйти из школы, как по направлению, в которое шла Королева, расстилалась дорожка, исчезающая в тот момент, когда Мэри по ней проходила. Возле школы была довольно большая толпа поклонников, машущая Королеве и скандирующая её имя. По какой-то непонятной причине, мне не хотелось, чтобы в этой толпе находилась моя семейка.

— Мне она тоже нравится! — широко улыбнулась Мэри.

Так широко, как люди не могли улыбаться. Её улыбка достигала до самых ушей, выглядя в моём восприятии одновременно и естественно, и неестественно. Словно я вновь оказался в каком-то мультике. Только в мультике это смотрелось...

Нет, нет, нет...

Она сделала себя счастливой, но где-то в глубине души она должна была понимать, что всё это фальшь.

Навёл пистолет на голову.

Выстрел.

Реальность мигнула.

Слова Гаррика окончательно обрели смысл, когда Королева не смогла решить, куда конкретно нам пойти гулять. Из-за скорой коронации, конечно же, Мэри, в силу юного возраста, нервничала. У неё были более важные мысли, и уже вообще чудо, что она решила потратить время на такого, как я! Не веря своему счастью, с честью принял на себя роль, принявшись планировать наш поход.

Не нужно уточнять, что первым делом я повёл Мэри в кафе за молочным шейком. Встретили нас по-королевски: Том, стоило увидеть, какую фигуру я привёл в его маленькое кафе, тут же всполошился, с максимально возможным уважением и нескрываемым восхищением принявшись делать ей шейк.

— Будьте с ним осторожны, Королева Мэри, — окинув меня взглядом, предупредил Том. — Он крайне опасен!

Я тихонько за спиной Мэри показал Тому фак.

— Приму к сведению, — кивнула Мэри.

Она не примет.

Выстрел.

К огромному стыду Тома, для Мэри шейк показался слишком сладким. Удивились, словом, мы с мужчиной оба: как можно не любить сладкое, и особенно — очень сладкое? Это же сладко. Из глубин души поднялась настоящая ярость.

Навёл пистолет на голову.

Выстрел.

Реальность мигнула.

С другой стороны, благодаря этому мы стали свидетелями истинного могущества Королевы. Это стало для нас настоящим благословением!

— Я всё исправлю! — засветились потусторонним светом глаза Мэри.

Прямо из воздуха она достала самый обычный исписанный блокнот и ручку. Она сразу привлекла наше с Томом внимание. И если член Совета не смог сформулировать мысль, то я, словно действуя по какому-то наитию, прошептал:

— «Искажающая Истории».

Шариковая ручка в руке неповторимой Мэри дёрнулась.

Навёл пистолет на голову.

Выстрел.

Её блокнот представлял собой хаос (идеальный, конечно же!). Беспорядочные исписанные грязные страницы, множество перечеркнутых плохо читаемых предложений, слов, какие-то странные рисунки, каракули. Мимолётные желания смешивались со вполне осмысленными изменениями, меняющими весь мир.

Я нечитаемым взглядом смотрел на блокнот, после чего покачал головой.

Всё же, у малышки Мэри неповторимый стиль!

Найдя первое попавшееся пустое место, она быстро-быстро вписала что-то, сразу схватившись за шейк.

— Теперь другое дело! Феликс, попробуй и ты.

Том сощурился, явно не оценив благосклонности самой Мэри к такому уродцу, как я.

Немного трясущимися руками принял дар самой Королевы, сделав глоток столь любимых мной шейков. Мне было глубоко насрать, что кто-то считал мою зависимость от них странной, как и меня не интересовало, что могли подумать другие по поводу моей любви к чему-то вкусному, особенно — сладкому. Но на что мне было не насрать, так это на вкус молочного напитка.

Он всё ещё был сладким, однако каким-то неправильным. Подаренный Мистером Стивенсоном дар океана мог принять форму шейка, который я уже пытался выпить, и он был абсолютно безвкусным, ненастоящим, фальшивым. Шейк, который протянула мне воплощение идеала, не был фальшивым. Сладкий, настоящий, такой реальный. Или, по крайней мере, очень хотел быть таким.

Лёгкая горечь на языке заставила меня застыть. Чувствуя себя мазохистом, покатал этот вкус по языку, после чего сделал ещё один глоток.

— Феликс?

Я словно не слышал великолепную Мэри. В голове будто что-то ломалось, рвалось, разбивалось, разрывалось. Во мне будто задела какой-то триггер. Эффект был практически таким же сильным, как когда Мистер Стивенсон убил моих родителей. Или, чего уж самого себя обманывать, даже сильнее.

Мой любимый молочный шейк превратили в фальшивку.

Сучка, сучка, сучка, сучка, сучка, сучка, сучка...

Молча вернул шейк удивлённой Королеве, напрочь игнорируя убийственный взгляд Тома. Нечитаемым взглядом уставился на идеальную-совершенную-прекрасную-чудесную малышку Мэри, после чего медленно открыл рот и засунул в него пистолет. До этого я не акцентировал внимание на том, что происходит вокруг, но сейчас...

Совершенное лицо Мэри исказилось в прорвавшемся детском испуге и непонимании, которое перекрывали десятки иных навязанных самой же себе чувств.

— Ф-феликс, ч-что ты...

— Сучка.

Взгляд отовсюду стал ещё более пристальным.

Я так счастлив, и вместе с этим — так несчастлив.

В прошлой жизни я любил рисовать. Скажем так, это было моим хобби, которым я занимался в свободное время... В прошлой жизни я любил рисовать. Скажем так, это было моим хобби, которым я занимался в свободное время... В прошлой жизни я любил рисовать. Скажем так, это было моим хобби, которым я занимался в свободное время... В прошлой жизни я любил рисовать. Скажем так, это было моим хобби, которым я занимался в свободное время...

Выстрел.

Выстрел.

Выстрел.

Выстрел...

После кафе мы отправились гулять дальше. Постепенно малышка Мэри привыкала к моей компании, начав говорить больше. Мы остановились в парке.

— Я всю жизнь так хотела, чтобы меня признали, — уверенно-неуверенно сообщила Мэри. — Но никто не замечал меня. Только дедушка.

А ты что-то делала, чтобы тебя заметили, маленькая сучка?

Выстрел.

— После его смерти всё так изменилось... — продолжила Мэри. — Феликс, а у тебя есть мечты?

Я какое-то время смотрел в постоянно меняющиеся глаза девочки.

— Я ненавижу мечты.

В глазах Мэри вспыхнуло недоверие. Она, словно обереги, достала из рюкзака ручку и исписанный блокнот. Я знал, что ручка шептала что-то, говорила ей. Видел, как она немного тряслась, как едва заметно искажалось вокруг неё пространство, и чем дальше — тем сильнее.

— Но почему? — отстранённым голосом спросила девочка. — Что может быть слаще мечты?

Голос совершенной Мэри проникал в уши, делая меня всё более и более несчастливо-счастливым. Мир уже не напоминал сам себя: над головой висело криво нарисованное небо с пролетающими кривыми детскими облачками, в небе застыла гигантская радуга. Интересно, в какой момент Мэри решила изменить облака и почему они именно нарисованные?

Среди нарисованных облаков, за каждым деревом и в глазах каждого человека.

— Что может быть слаще мечты? — отвлечённо пробормотал я. — Молочный шейк. И, наверное, любимое хобби.

— Хобби?

— Рисование, — пожал плечами я.

И рыбалка.

Выстрел.

— Я так и знала! — широко-широко улыбнулась Мэри. — Ты же так хорошо меня нарисовал, Феликс! Так красиво! Меня никогда так не рисовали!

Я ответил не сразу.

— Я рисую только то, что меня вдохновляет. Для меня это очень важно.

В прошлой жизни я любил рисовать. Скажем так, это было моим хобби, которым я занимался в свободное время.

Щёки девочки заалели. Меняющиеся цвет глаза засветились ещё ярче.

— Ты хочешь стать художником, когда вырастешь? Я могу исполнить твою мечту!

Сам не заметил, как навёл пистолет себе на голову и выстрелил. Я не мог позволить себе навести пистолет на совершенство, но я никогда не был совершенным и не хотел им быть.

Реальность мигнула.

— Это не мечта, — внешне спокойно ответил я.

— Ты так уверен в себе, — вздохнула Мэри. — Ты такой взрослый, Феликс. Когда я окончательно стану Королевой, ты сможешь мне помочь?

— Вы уже Королева, Мэри, — абсолютно уверенно заявил я.

— Дедушка говорит, что ещё нет, — неожиданно пробормотала девочка, после чего ойкнула.

Её лицо поплыло. Глаза бешено забегали. Я разнервничался, не зная, что с великой Мэри.

— Наверное, всё будет хорошо, если ты узнаешь...

Ручка в её руках дрогнула. На лице Мэри появилась странная гримаса.

Да эта сучка проболталась только что.

Выстрел.

В какой-то момент девочке надоело, что за нами следовала толпа людей. Она быстро-быстро что-то написала в блокноте, после чего нас перестали замечать, всецело посвятив себя подготовке к коронации. Коронация должна была быть уже завтра, ради этого весь Мэри-Пойнт вёл подготовительные работы. Праздник на целую провинцию, где праздновал каждый, начиная от младенцев и заканчивая слепыми и глухими стариками.

Мы вместе сходили на колесо обозрения и поели мороженого. Мэри не потребовалось много времени, чтобы стать ещё чуть более откровенной. Поведав мне тайну про дедушку, она уже не могла молчать.

— Феликс, ты чем-то привлёк моего дедушку.

— Разве он не умер?

Мне сразу захотелось это спросить, но я не хотел ранить чувства Мэри. Конечно же, она сильная, и вместе с этим — безумно ранимая, многогранная личность. Неужели совершенная Мэри преодолела смерть? Это вполне возможно!

Выстрел.

— Он жив! — воскликнула уверенно-неуверенно Мэри. — Он просто оказался в ручке. Теперь дедушка мне помогает! Он сказал, что ты кажешься ему знакомым. Завтра я обязательно дам вам получше познакомиться!

Я вновь ответил не сразу. Счастливая улыбка уже совсем не спадала с моего лица. И всё же, это не помешало мне навести пистолет на голову.

Выстрел.

— М-мне очень стыдно за мой вопрос, Королева, но почему именно завтра?

В прошлой жизни я любил рисовать. Скажем так, это было моим хобби, которым я занимался в свободное время...

Ручка вздрогнула. Последние, как бы мне это тяжело не было признавать, сомнения идеальной Мэри исчезли.

— Мечта рождается из эмоций и мыслей людей. К завтрашнему дню их должно накопиться достаточно, чтобы я окончательно стала Королевой! Дедушка сказал, что это будет настоящим пробуждением!

Поёжился.

Пробуждением?

Выстрел.

Я вдохнул побольше розоватого, едва сладковатого воздуха.

— Я постараюсь подготовить хороший подарок.

— Правда?!

Как я мог не подготовить? Не подготовить подарок идеальной-совершенной-прекрасной-чудесной малышке Мэри, самой Королеве? Моя сущность пела и танцевала от одной мысли об этом! Я так хотел сделать ей подарок! Так хотел вложить душу в это, всё своё вдохновение!

Вскоре мы разошлись, и я побежал домой, заперевшись в своей комнате. Мои друзья и вечный источник вдохновения, все они притихли. Они уже знали, что происходит. Они уже знали, что я был по-настоящему вдохновлён.

Моя «Универсальная Удочка» приняла облик мольберта. Только она могла принять в себя весь тот смысл, что я хотел вложить в свою работу. Это была не тень тени от тени, нет.

Это было нечто большее.

Смотря на пустой мольберт, не сразу понял, что в моей комнате присутствие чего-то страшного исчезло.

— Вы решили спрятать меня от этого взгляда, чтобы меня ничего не отвлекало? — немного безумно поинтересовался я, хохотнув. — Большое спасибо, друзья!

Тени теней от тени не стали как-либо отвечать, но им и не нужно было.

Я прикрыл глаза, взяв в руки кисть. Моя психическая энергия покрыла всю комнату. Бесчисленные рисунки моих друзей стали медленно выползать из рисунков, начав поглощать своими бесконечно огромными образами всё пространство моей небольшой комнаты.

— Мистер Фишер, не хочу вас отвлекать, но мне правда нужен отпуск.

Спокойный и даже будничный голос многомерной инопланетной твари заставил нас всех на миг застыть. По пространству прошли помехи. Шеди полностью согласился со старшим сотрудником. Пит, судя по всему, предпочёл не отвечать.

Едва не потеряв настрой, тихонько выругался.

Я работаю с идиотами.

<http://tl.rulate.ru/book/98238/3545229>